

Цяо Чжэн послушно поправила свою одежду и вдруг вскрикнула:

— Моя пуговица пропала!

Наверняка её оторвали только что.

Без пуговицы одежда в любой момент могла распахнуться, что было бы крайне неловко.

Янь Цзэ не могла допустить такого ущерба для имиджа школы:

— У тебя есть другая одежда? Переоденься.

— Нет.

— У тебя скоро урок?

— Один.

— Ты собираешься идти на урок в таком виде?

Янь Цзэ подумала, что это совершенно неприемлемо.

— Я не специально, это случайность, ты же видела, как та страшная женщина её оторвала.

— Идём в мой кабинет.

Цяо Чжэн последовала за ней, повторяя про себя: «Идём в мой кабинет». Она размышляла, почему все начальники так любят эту фразу. Разве иметь кабинет — это так важно?

В прошлый раз она была в кабинете завуча для воспитательной беседы, а на этот раз зачем её зовут?

Рабочий стол Янь Цзэ был аккуратно организован: папки, тесты и тетради были разложены ровно, на столе стояли фарфоровая чашка и чай. Кроме этого, личных вещей не было.

Янь Цзэ открыла ящик стола, где всё было так же упорядочено: печать, копировальная бумага, чернила, ручки. Она нашла пластиковую коробку и, к удивлению, достала из неё белую пуговицу и иголку с ниткой!

Цяо Чжэн почувствовала, что образ Настоятельницы Мецзюэ начинает рушиться.

Она думала, что та из тех, кто покупает одинаковые рубашки пачками, а когда одна изнашивается, просто выбрасывает её.

— Ты умеешь шить? — спросила Янь Цзэ, и хотя это был вопрос, в её устах он звучал как утверждение: «Ты не умеешь шить».

Так и было. Цяо Чжэн сказала:

— Не умею.

Янь Цзэ сама взяла иголку с ниткой:

— Тогда я тебе помогу.

Цяо Чжэн промычала «ох» и начала снимать одежду, обнажив округлые и нежные плечи.

Янь Цзэ была в шоке:

— Что ты делаешь?

Цяо Чжэн с недоумением посмотрела на неё:

— Ты же сказала, что сможешь мне пришить пуговицу. Я снимаю одежду, чтобы ты могла её взять.

Янь Цзэ строго отчитала её:

— В мой кабинет в любой момент могут войти, ты не боишься, что тебя увидят?

Цяо Чжэн сухо усмехнулась:

— Я думала, они будут стучать.

— Подойди ближе.

Цяо Чжэн наклонилась вперёд.

Янь Цзэ почувствовала её лёгкий аромат, похожий не на духи, а на запах шампуня.

Она покраснела, заставив себя сосредоточиться, отбросив все посторонние мысли. Ей предстояло работать с иглой, и малейшая неосторожность могла привести к травме.

Цяо Чжэн наблюдала, как Янь Цзэ вдевает нитку в иголку, держа один конец нити и легко

попадая в ушко иглы.

Она была удивлена. Цяо Чжэн тоже пыталась вдевать нитку, но каждый раз ей приходилось скручивать конец нити несколько раз, пристально всматриваться в ушко иглы, сосредотачиваться, и даже тогда это удавалось не с первого раза, а глаза от напряжения начинали болеть.

Янь Цзэ была настоящей мастерицей, легко справляясь с задачей, её глаза при этом оставались полуприкрытыми, она действовала с лёгкостью и уверенностью.

«Учителя математики — настоящие мастера точности», — подумала Цяо Чжэн.

Янь Цзэ, вдев нитку, подтянула воротник Цяо Чжэн, которая наклонилась вперёд.

Чтобы пришить пуговицу, Янь Цзэ пришлось увидеть некоторые части тела, мягкие и соблазнительные, поднимающиеся и опускающиеся при дыхании.

Она крепко сжала одежду Цяо Чжэн, с трудом зафиксировала пуговицу на месте и сделала первый стежок.

Янь Цзэ, вдевая нитку, наклонила голову, её короткие волосы упали на грудь Цяо Чжэн, вызывая лёгкое щекотание, которое распространилось и на её сердце, словно крошечные пушистые лапки насекомого ползли по ней.

По ощущениям от волос Цяо Чжэн поняла, что волосы Янь Цзэ были жёсткими и толстыми, но при этом гладкими, а на солнце они отражали свет, создавая причудливые серебристые блики.

Цяо Чжэн действительно не могла поверить, что совсем недавно она сидела на том же месте, слушая воспитательную беседу, а теперь наслаждалась таким вниманием.

Взгляд Янь Цзэ был сосредоточен, вероятно, из-за иглы в руках. Она сама была предельно осторожна, находясь так близко к Цяо Чжэн, что даже могла разглядеть мельчайшие поры на её коже. Кожа Цяо Чжэн была идеальной, гладкой, как свежее молоко, с лёгким фруктовым ароматом. Такая нежная кожа, вероятно, была более чувствительной к боли.

Пришить пуговицу было несложно, и Янь Цзэ справилась с задачей менее чем за две минуты. Она потянула за только что пришитую пуговицу, убедившись, что она держится крепко и не оторвётся.

Цяо Чжэн улыбнулась, её глаза искрились, и впервые Янь Цзэ не увидела в них привычной хитрости.

— Спасибо!

Цяо Чжэн посмотрела на аккуратные стежки на пуговице, плотные и аккуратные.

— Теперь ты можешь застегнуться?

Янь Цзэ заметила, что Цяо Чжэн всё ещё не застегнула пуговицу, обнажая большую часть груди.

Цяо Чжэн смущённо улыбнулась:

— Я забыла.

Янь Цзэ с раздражением посмотрела на неё, едва сдерживаясь, чтобы не сказать: «Как ты можешь быть такой бесстыдной?» Она никогда не ругала своих студентов такими словами, но, зная Цяо Чжэн, поняла, что та всё равно пропустит это мимо ушей.

Получив доброту Настоятельницы Мецзюэ, Цяо Чжэн стала ещё более наглой, осматривая кабинет, то садясь, то вставая, как гиперактивный ребёнок.

Директор Янь вдруг почувствовала, что её ученики были невероятно послушными и усердными, и она не могла бы справиться, если бы в классе было два таких, как Цяо Чжэн.

Янь Цзэ хотела сосредоточиться на проверке работ, но, опустив голову, она то и дело чувствовала лёгкий аромат, витающий в воздухе.

Она была рассеяна и даже ошиблась в оценке нескольких работ, поставив неправильные баллы.

Раньше такое случалось редко, и она не могла простить себе такую небрежность.

Цяо Чжэн прислонилась к подоконнику, играя с суккулентом, который был ирландской мятой, с розовато-зелёными, мясистыми листьями, похожими на вытянутые сердечки. В её кабинете тоже был суккулент, сорт шёлк Альба, с нежно-розовыми листьями, покрытыми лёгкой дымкой, напоминающей нежную розу.

Она ухаживала за своим суккулентом, делая его розовым и пухлым, как милый малыш, а суккулент Янь Цзэ, очевидно, был заброшен. Окно в кабинете часто было открыто, и суккулент на подоконнике покрылся слоем пыли, почти полностью скрывшей его зелёный цвет.

Когда Цяо Чжэн дотронулась до него, на пальце осталась пыль, стёршаяся, чтобы показать первоначальный цвет, резко контрастирующий с окружающей серостью.

Если за ним не ухаживать, этот милый суккулент скоро погибнет.

Янь Цзэ спокойно проверила несколько работ и, обернувшись, увидела, что Цяо Чжэн наклоняется, что-то рассматривая, с явным удовольствием, одна нога поддерживала её тело, а другая касалась пола носком, обтянутая короткой юбкой, подчёркивая её округлые бёдра.

— Что ты делаешь?

Цяо Чжэн повернулась, держа в руках почти погибший суккулент.

— Ты его убиваешь!

Цяо Чжэн широко открыла глаза, выглядев возмущённой.

— У тебя что, зуд? Аллергия?

Цяо Чжэн закатила глаза:

— Я говорю, что ты его убиваешь.

Янь Цзэ медленно промычала «ох» и равнодушно сказала:

— Это мне подарил ученик, сказал, что он выносливый, можно оставить в покое, не умрёт.

...

— Он у меня уже больше месяца, всё время стоит там, я не вижу изменений, он даже не цветёт.

Цяо Чжэн была в недоумении:

— Кто тебе сказал, что он будет цвести?

Янь Цзэ задумалась:

— Не знаю, я просто предположила.

Цяо Чжэн ненавидела таких, кто не ценит красоту:

— Тогда хотя бы поливай его.

Янь Цзэ не чувствовала себя виноватой:

— Раз он такой выносливый, я просто оставила его там.

Цяо Чжэн не могла оставить такое милое растение на произвол судьбы:

— Давай я его заберу.

Янь Цзэ была равнодушна:

— Забирай.

Цяо Чжэн взяла чашку Янь Цзэ:

— Что это за чай?

— Чёрный чай.

Краткий ответ.

— Фу, ты как будто уже на пенсии.

Цяо Чжэн почувствовала, что её жизнь преждевременно стала старческой. Её термос был из двойного стекла, с изображением золотой сосны на внешнем слое.

«Какой банальный стакан», — подумала Цяо Чжэн. — Это же то, что используют мужчины за сорок.

Не каждый может быть начальником, как Ян Лэси, которой тридцать, она точно не сможет стать начальником.

Начальник должен пить чай, а не кофе, не красить ногти блестящим лаком, не сочетать в одежде больше трёх цветов и использовать старомодный термос.

<http://bllate.org/book/15542/1382875>